

Аннель Бактыбаева

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СМЕХОВОЙ
КУЛЬТУРЫ КАЗАХСКОГО НАРОДА**

Казахский фольклор насыщен смехом: от шуток-прибауток до целостной системы смехового мира. В современном литературоведении изучение смеховой культуры народов мира является малоизученной проблемой. Преимущественно большая часть исследований направлена на изучение отдельных жанров, приемов. Предлагаемое в данной статье описание особенностей смеховой культуры казахского народа как единой системы представлений о мире, реализующейся в конкретных жанрах способствует, на наш взгляд, заполнению пробелов в отечественной науке по изучению данной традиции. Предметом исследования стали жанры казахского фольклора, такие как сатирические сказки, бытовые сказки, небылицы, в которых нашло отражение мифологическая, языковая картина мира.

Исследователями казахского фольклора неоднократно указывалось, что корни сатирических жанров и приемов уходят в далекое прошлое. Сказка часто сама вызывает смех, ее язык прост и доступен, это элемент развлечения, сохранение жизнеутверждающего настроения обрядов, фольклора в целом. Часто сказка воспринимается как смешная поучительная история. Сказки могут использовать все приемы, о которых говорят исследователи комического. Интересна и другая – воспитательная – роль подобных сказок. Сама же бытовая и сатирическая сказка служит именно для того, чтобы выявлять пороки общества и в наиболее яркой и доступной манере разоблачать их. Здесь смех выполняет именно ту функцию, о которой упоминает А. Бергсон [3, с. 24] – это нечто вроде общественной выучки, он бичует нравы, приспособливает к среде, исправляет и сглаживает недостатки.

Основными элементами сатирико-бытовых сказок становились нормы общежития, морали, нравственности. В сказках всегда рассматриваются хитрость, доброта, смекалка, прилежание, вежливость и воспитание, готовность прийти на помощь или, напротив, лень, глупость, сварливость, злость. В этом проявляется и психологическая роль сказки. Она помогает адаптироваться к жизни, вводит в круг общественных норм и избавляет от возможных

проблем, страхов. Метод решения остается тем же – смех.

В казахских сатирических сказках можно выделить несколько групп героев, имеющих смысловую юмористическую окраску. Мы выделяем такие группы персонажей: 1. Жиринше (пер. с каз. острослов), Тазша; 2. Алдар-Косе; 3. Собственно плут или вор. 4. Девушка (иногда это дочка старых родителей, иногда у нее есть имя – Менды и т. п.).

Герои первой группы, как правило, бедны, порой даже нищи (Жаман в переводе с казахского означает «ничтожный человек»), но благодаря изобретательности своего ума, юмору, находчивости, они умело выходят из любой ситуации. Например, в сказке «Как молодой Тазша обдурил старого» повествуется:

«... Через несколько дней старик и старуха говорят приемному сыну:

– Вот в этом доме живут одинокие, как и мы, старик со старухой. Да только они не то, что мы, – жадные. Имеется у них горшок с топленным маслом. Сами это масло не едят и другим не дают. А чтобы горшок с маслом не украли, ночью ставят его между собой, да так и спят. Заберись ты к ним и принеси этот горшок...

– Ладно! – говорит Тазша.

И ночью, когда старики уснули, Тазша забрался в хату, улегся между ними и, подталкивая старика в бок, говорит ему старушечьим голосом:

– Эка ты привалился, старый хрыч! Отодвинься-ка подальше!

Старик отодвинулся. Тогда Тазша подтолкнул старуху под бок и стариковским голосом ей говорит:

– Ты и сама мне покоя не даешь! Отодвинься-ка подальше!

Старуха отодвинулась, Тазша забрал горшок с маслом и был таков» [5, с. 312].

Безбородый обманщик – герой многих сатирических сказок – «Ловкий обманщик», «Жадный бай и Алдар-Косе», «Чудесная шуба Алдар-Косе», «Аллар-Косе и скупой друг» и другие. Этот образ сродни образу шута, дурака из мирового фольклора. М. М. Бахтин, говоря о функции шута в истории прозы, писал: «Само бытие этих фигур имеет не прямое, а *переносное значение*: самая наружность их, все, что они делают и говорят, имеет не прямое и непосредственное значение, а переносное, иногда обратное, их нельзя понимать буквально, они не есть то, чем они являются; в-третьих, наконец, – и это опять вытекает из предшествующего, – их бытие является отражением какого-то другого бытия, притом не прямым отражением. Это – лицедеи жизни, их бытие совпадает с их ролью, и вне этой роли они вообще не существуют» [1, с.

194]. Шут, по словам Бахтина, это закреплённый в повседневной жизни носитель карнавального начала [2, с. 13]. Корни шутовства уходят корнями в глубочайшую древность. Но оно институционализировано и по-своему авторитетно в культуре. Шут маргинален по отношению к социальным ценностям. Он осмеивает их авторитетом как бы вневременных ценностей, связанных с приоритетом природно-трудовых циклов в жизни общества. Любое лицо или понятие, взнесенное социальной иерархией вверх, шут опрокидывает в материально-телесный низ и таким образом поддерживает в обществе память о том, что вообще-то все люди имеют одинаковую природу.

Например, сказка «Жадный бай и Алдар-Косе»:

«Жил на свете Шигай-бай, прозванный за необыкновенную жадность Шик-бермесом (не дающий ни капли росы). Однажды поспорил Алдар-Косе с другом, что ему удастся поесть у жадного бая, и он отправился в путь. Алдар-Косе через маленькую дырочку в кошме юрты заглянул вовнутрь. На таганке кипел котел. Шигай-бай делал колбасу. Хозяйка ощипывала гуся. Служанка опаливала баранью голову, а дочка месила тесто. Алдар-Косе неожиданно вошел в юрту и отдал салем. В один миг все исчезло, но гость сделал вид, что ничего не заметил.

Шигай-бай сказал с притворной улыбкой:

– Рады видеть тебя, Косе! Садись и будь гостем. Только прости, попотчевать тебя нечем!...Что нового в степи? – поинтересовался хозяин.

Алдар-Косе стал рассказывать:

– Еду я к тебе и вижу: по дороге ползет длинная-предлинная змея. Увидела она меня, зашипела и свернулась так же, как та колбаса, которую ты спрятал под себя, добрейший Шигай-бай. Я схватил камень величиной с баранью голову, вроде той, на которой сидит твоя служанка. Бросил я камень в змею, она от удара расплющилась и стала, как тесто, которое находится под твоей дочерью. Если я сказал хоть одно слово неправды, пусть меня ощипают, как гуся, спрятанного твоей женой» [5, с. 358].

Герои таких сказок как «Вор-невидимка», «Два плута» – воры, плуты, бедняки, люди, которые благодаря своей сообразительности наказывают своих обидчиков. Цель их многих поступков – не нажиться, а подурачиться или одурочить высокомерных, самонадеянных богатых ханов.

«Когда султан узнал об исчезновении золота, он повелел рассыпать посреди улицы мешок денег, а по сторонам поставить стражу и хватать всякого, кто сделает попытку поднять хоть одну монету. Услышав об этом, вор переоделся водоносом, а пятки намазал глиной, потом взял в каждую руку по ведру и принялся таскать воду взад и вперед мимо стражи.

Стражники говорят между собой:

– Этот человек – честный водонос, он не выпускает из рук ведер и даже не смотрит на рассыпанное золото.

А вор, идя в одну сторону, незаметно наступал пяткой на монету, идя в другую сторону, делал то же самое. Монеты прилипали к пяткам, и так он по одной денежке унес все золото» [5, с.260].

В таких сказках, как «Мудрый Аяз», «Старик и его дочка» самой находчивой становится девушка, которая не просто «выводит всех на воду», но и высмеивает поступки окружающих ее людей. «... Приказал хан:

– Сшей мне сапоги из камня!

Пришел пастух домой и жалуется жене:

– Хан велит мне сапоги из камня сшить. Что мне делать?

– А ты попроси у него дратву из масла и шило из воску, – посоветовала жена.

Отправился он к хану. Стал просить дратву из масла и шило из воску.

Говорит ему хан:

– Чудак! Как же можно сделать дратву из масла и шило из воску?

Отвечает пастух:

– А без них сапоги из камня сшить невозможно» [5, с. 260].

Рассмотрение сатирических сказок позволяет нам выделить главную особенность этого фольклорного жанра – построение и изменение модели мира, достижение комического эффекта с помощью слова. Слово в подобного вида сказках выполняет разнообразные функции: материализует надежды казахов в справедливость, помогает бороться с обидчиками. Смех в сказках через применение слова всегда помогал выразить оценку событиям и тем самым повлиять на них, подобно поэзии жырау, в которых слово воздействовало на дух человека. Слово же в сатирических сказках помогало социализации и выполняло психотерапевтическую функцию.

Следующим жанром смеховой культуры казахского народа можно выделить небылицу. Исследователи полагают [4], что этому жанру свойственны следующие черты: изначальная установка на неправду, «выдуманность»; несерьезность, что сближает ее с такими жанрами, как сказка, анекдот. Одна из основных функций небылиц – развлекательная. Она рассказывается для того, чтобы позабавить окружающих. Эффект комичности в небылицах достигается путем наделения предметов и явлений несвойственными им признаками. Небылицей широко

используются такие приемы, как гротеск и оксюморон. Важной особенностью построения таких текстов является то, что эпизоды следуют друг за другом, соединяясь путем простой кумуляции. Как правило, они не образуют законченного сюжета.

«Однажды старик, сидел на камне у кибитки, поглядывал на небо. В это время пролетела муха, и что-то попало старику в глаз. Поплелся он к своей старухе.

– Вынь, Машан, из моего глаза сор, – сказал он.

С большим трудом старуха вытащила оттуда тазовую кость быка, которого склевала в прошлом году одна молодая ласточка. А ласточку эту съела муха.

Старик бросил тазовую кость в море, и она образовала большой остров, на котором зимовала потом сорок тысяч кибиток казахов» [9, с. 420].

Следовательно, в сказке проявляется все многообразие культурных народных форм. Огромную роль в сказках играл смех, смеховая культура. На основании рассмотренных примеров можно сделать вывод о существовании нескольких форм смеховых традиций в фольклоре, в частности, в сказке. С одной стороны, это использование специальной воспитательной и адаптирующей роли смеха в поучительных сказках, психологической функции смеха. С другой, актуализация социальной, высмеивающей функции смеха в сказках. Его объектом становились социальные пороки, недостатки государственных институтов, социального устройства.

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М., 1986.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
3. Бергсон А. Смех. – М., 1992.
4. Гаврилова М. В. Небылица в детском фольклоре // Традиционная культура и мир детства: XII Виноградовские чтения. – Нижний Новгород, 2001. – С. 35–39.
5. Казахские сказки. – Алма-Ата, 1958.